

Библиографический список

1. Вулф, В. / Вирджиния Вулф: подгот. Н. И. Рейнгольд; [отв. ред. А. Н. Горбунов]. – М.: Наука, 2012. – 776 с.
2. Хьюитт, К. Джордж Элиот и ее роман «Миддлмарч» / К. Хьюитт // «Вопросы литературы». – 2005. – № 2. – С. 236–260. – 384 с.
3. Прокурин, Б. Почему Джордж Элиот недооценена в современной России, или о пользе зарубежного взгляда на российскую английскую англистику / Б. Прокурин // «Вопросы литературы». – 2005. – № 2. – С. 261–274. – 384 с.
4. Кузьмин, Б. Кризис английского социального романа в 50–60-х гг. XIX в. Элиот, Тролlop, Рид, Киплинг / Б. Кузьмин // История английской литературы. Т. 2, вып. 2. С. 395–429. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 442 с.

Сельченок Елена Константиновна

*ст. преподаватель (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)
elena.selchenok@gmail.com*

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ПОЭЗИИ ФРИДРИХА НИЦШЕ

В статье рассматриваются истоки и виды гностических топосов в поэзии немецкого поэта и философа Ф. Ницше.

Ключевые слова: гностицизм; гnosis; топос; гностический топос; немецкая литература; Фридрих Ницше; поэзия; Заратустра; сверхчеловек.

Гностический топос – это культурная константа, оформленвшаяся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которая несет в себе культурно-генетический код и способна вырабатывать новые значения в ходе усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. Можно выделить следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гностиса) через возвращение ему утраченной полноты (ТI); многомирье как иерархическое развертывание сложной системы отдельных зонов (духовных сущностей, жизненных сфер, циклов творения и т. д.) (ТII); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирья (ТIII); драматически переживаемый разрыв с Единым и последующая попытка восстановления связи с Ним через одухотворение материального (софийный миф) (ТIV); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры эона, в рамках которого возглавляющий их мироправитель, архонт стремится к синтезу духовной и светской власти (TVI); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [1])

Специфическое гностическое мировоззрение отразилось в поэзии Фридриха Ницше. Именно в творчестве Фридриха Ницше гностические топосы нашли свое специфическое преломление и изменили свое наполнение в контексте немецкой культуры. Ницше считал «знание» инструментом власти, а саму власть он понимал как внутреннее качество человека, нечто, заложенное в нем изначально, что можно и нужно развивать тем, у кого это есть (T_I, TV). В своих философских работах Ницше проповедовал понятие «восходящей жизни» и, соответственно, выделял людей, которые причастны этой «восходящей жизни» в противовес тем, кто не причастен к ней и не может быть причастен (TV). В поэме «Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen» появляется понятие „höheren Menschen“

(«высшие люди»): „...auf dem Markt glaubt niemand an höhere Menschen... Ihr höhern Menschen, geht weg von Markt!“ [2, S. 522]. Представление о части людей как об избранных прямо соотносится с идеей стратификации человечества сообразно причастности духу, с представлением гностиков о пневматиках. Как истинный наследник романтиков, их ученик и оппонент, Ницше представляет в качестве родового преимущества, «искры духа», дающей безоговорочные привилегии, поэзию, творчество. Прекрасное становится у Ницше знаком «восходящей жизни» (подробнее о гностических топосах в философии Ницше см. [3]).

В поэзии Ницше явственно виден образ лирического героя как познающего, избранного, противопоставленного миру, приносящего себя в жертву ради обретения знания. Несомненно, в этом образе дает о себе знать романтическая традиция. Но в поэзии Ницше сделан акцент именно на «познании» без ограничения его творческим вдохновением художника. Познание в поэзии Ницше больше соответствует мистическому знанию об истинном устройстве мира, доступному лишь избранному, противопоставляющему познающего всем остальным («стервятникам») и меняющему его сущность, открывая в нем сверхчеловеческую (по сути, гностическую) природу (Tl, TIII): „Jetzt / einsam mit dir, / zweisam im eignen Wissen, / vor dir selber falsch, / zwischen hundert Erinnerungen / ungewiß <...> Selbsterkenner! / Selbsthener! / Was bandest du dich / mit dem Strick deiner Weisheit? / Was locktest du dich / ins Paradies der alten Schlange? / Was schlichst du dich ein / in dich – in dich? <...> ...ein Wissender! / ein Selbsterkenner! / der weise Zarathustra!..“ («Zwischen Raubvögeln») [4, S. 1250]. В этом же стихотворении появляется образ повешенного, над которым кружат хищные птицы, отсылающий нас к повешенному на древе, распявшему себя ради тайного знания Одину: „...sie flattern schon um dich, ihr Rätsel, / um dich, Gehenkter!“ [4, S. 1252].

Ради этого знания необходимо принести в жертву свое прежнее существование: „Ich überwand mich, den Leidenchen, ich trug meine eigne Asche zu Berge, eine hellere Flamme erfand ich mir“ [204, c. 298]; „Verbrennen mußt du dich wollen in deiner eignen Flamme: wie wolltest du neu werden, wenn du nicht erst Asche geworden bist!“ [2, S. 327]. Здесь можно видеть императив «Stirb und Werde!». Это самопознанье предполагает раскрытие чего-то внутри самого себя – сам гностик оказывается источником знания о мире, которое заложено в нем изначально – «самопознанье» и «самозакланье». Поэтому миссия вестника (а именно такая роль в гностицизме отводилась Христу и именно в такой роли предстает Заратустра в поэме) – зажечь огонь, изначально заложенный в людях, но не во всех: „Das, was wir an einem Menschen erkennen, das entzünden wir an ihm auch“ [2, S. 318].

В поэме раскрывается завышенная антропология, гимн человеку с космической судьбой (Tl). Человек в поэме подобен психику в гностицизме – мост между животным («соматиком») и сверхчеловеком («пневматиком») (TVI). Селекция людей на разные виды с разными правами проговаривается и в поэме: „Voll ist die Erde von Überflüssigen, verdorben ist das Leben durch die Vielß-zu-Vielen“ [2, S. 310]. Здесь появляется образ не просто «рабов», но «лишних людей», «маленьких» [2, S. 318], которые оскверняют землю самим своим существованием. И ущербность их объясняется именно духовной неполноценностью – они определяются как « чахоточные душою» (die Schwindsüchtigen der Seele) [2, S. 310]. И по сравнению с теми, кто составит «новую знать» („neuen Adels“ [2, S. 449]), они обладают меньшими правами о рождении: „Denn die Menschen sind nicht gleich: so spricht die Gerechtigkeit. Und was ich will, dürfen sie nicht wollen!“ [2, S. 297].

В духе кальвинистского самоизбраннычества, «высшие люди», пневматики, избирают самих себя: „...aus euch, die ihr euch selber aus wählet, soll ein auserwähltes Volk erwachsen – und aus ihm der Übermensch“ [2, S. 339]. Зародыш сверхчеловеческой природы внутри «высшего человека» уподобляется вспышке, проблеску, молнии (Blitz), что вполне сопоставимо с «искрой»-пневмой в гностицизме: „Ich will die Menschen den Sinn ihres Seins lehren: welcher ist der Übermensch, der Blitz aus der dunkeln Wolke Mensch“ [2, S. 287].

Поскольку мир спасается именно в результате самопознания и объединения избранных (TVII), они должны собраться вместе в «новую знать», сообщество избранных (TVII), прообраз Тайной Германии Стефана Георге: „Ich wandle unter Menschen als den Bruchstücken der Zukunft: jener Zukunft, die ich schaue. / Und das ist all mein Dichten du Trachten, das ich in Eins dichte und zusammentrage, was Bruchstück ist und Rätsel und grauser Zufall“ [2, S. 394]. Представление о роли избранных у Ницше соответствует гностической сотериологии и эсхатологии: „Es kehrt nur zurück, es kommt mir endlich heim β mein eigen Selbst, und was von ihm lange in der Fremde war und zerstreut unter alle Dinge und Zufälle“ [2, S. 404].

Заратустра у Ницше в духе антикосмизма констатирует несовершенство мира и несовершенство его Творца, который в таком случае предстает неистинным, тварным: „Diese Welt, die ewig unvollkommene, eines ewigen Widerspruches Abbild und unvollkommenes Abbild – eine trunkne Lust ihrem unvollkommenen Schöpfér – also dünkte mich einst die Welt. Also warf auch ich einst meinen Wahn jenseits des Menschen, gleich allen Hinterwelten“ [2, S. 297]. Путь познания начинается за границами мира и человека (TIII). И сам этот Творец является угрозой для избранных: „Ihr höhern Menschen, dieser Gott war eure größte Gefahr. Seit er im Grabe liegt, seid ihr erst wieder auferstanden“ [2, S. 522]. В таком прочтении заявление о смерти богов обретает иной смысл: боги – архонты, порабощавшие избранных в познании, сверхчеловек – гностик, пневматик: „Tot sind alle Götter: nun wollen wir, daß der Übermensch lebe – dies sei einst am großen Mittage unser letzter Wille!“ [2, S. 340].

Есть в поэме и аллюзия на образ Фауста, лишний раз подтверждающая его гностическое наполнение: „...und nun sagte alles Volk, daß der Teufel Zarathustra geholt habe. Jünger lachten zwar ob dieses Geredes; und einer von ihnen sage sogar: „eher glaube ich noch, daß Zarathustra sich den Teufel geholt hat“ [2, S. 385–386]; „Du aber, o Zarathustra, wolltest aller Dinge Grund schaun und Hintergrund: so mußt du schon über dich selber steigen – hinan, hinauf, bis du auch deine Sterne noch unter dir hast!“ [2, S. 404].

В поэме появляется и софийный образ, в роли которой выступает жизнь. В песне-заклинании, которую она поет, предстает сюжет о спящей женской космической сущности (жизни, духе, мудрости), спавшей глубоким сном, но очнувшейся и устремившейся назад в свой «вековечный» горний дом: „Eins! / O Mensch! Gib acht! / Zwei! / Was spricht die tiefe Mitternacht! / Drei! / «Ich schlief, ich schlief, – / Vier! / Auch tiefen Traum bin ich erwacht: – / Fünf! / Die Welt ist tief, / Sechs! / Und tiefer als der Tag gedacht- / Sieben! / Tief ist ihr Weh. –, / Acht! / Lust – tiefer noch als Herzleid: / Neun! / Weh spricht: Vergeh! / Zehn! / Doch alle Lust will Ewigkeit –, / Elf! / – will tiefe, tiefe Ewigkeit!» / Zwölf!“ [2, S. 472–473]. Далее в «Песне опьянения» [2, S. 558] эта же песня оказывается гимном-заклинанием «высших людей», которые все вместе, соборно, о оказываются этой возвращающейся в отчий дом жизнью, без пробуждения которой это сотериологическое возвращение не может состояться (TIV). Также появляется и образ Жениха, с которым отождествляется

сам Заратустра: „...o wie sollte ich nicht nach der Ewigkeit brünnstig sein und nach dem hochzeitlichen Ring der Ringe» [2, S. 473].

В творчестве Фридриха Ницше гностические топосы представлены в противостоянии «рабов» и «господ», несущих «восходящую жизнь» и не несущих, стремлении к преодолению человеческого, стратификация людей и т. д. Для высвобождения тех, кто представляет «восходящую жизнь», необходимо разрушить имеющийся неправильно организованный мир и культуру: новые варвары должны разрушить нынешнее создание масс, чтобы стало возможно свободное развитие выдающихся личностей. Ницше представляет в качестве родового преимущества, «искры духа», дающей безоговорочные привилегии, поэзию, творчество. Прекрасное становится у Ницше знаком «восходящей жизни». В поэзии Ницше явственно виден образ лирического героя как познающего, избранного, противопоставленного миру, приносящего себя в жертву ради обретения знания. Познание в поэзии Ницше больше соответствует мистическому знанию об истинном устройстве мира, доступному лишь избранному.

Библиографический список

1. Сельченок, Е. К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре / Е. К. Сельченок // Актуальные проблемы современного образования: сб. науч. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции (Минск, БГУ, 18–19 октября 2018 г.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 474–484.
2. Nietzsche, F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen / F. Nietzsche // Friedrich Nietzsche. Werke in drei Bänden – Zweiter Band – Carl Hanser Verlag. – München, 1954. – S. 275–563.
3. Сельченок, Е. К. Гностические топосы в творчестве Фридриха Ницше / Е. К. Сельченок // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, БГУ, 17–18 окт. 2019 г. / редкол.: С. А. Важник (отв. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2019. – С. 136–144.
4. Nietzsche, F. Werke in drei Bänden – Zweiter Band – Carl Hanser Verlag / F. Nietzsche. – München, 1954. – 1277 s.

Семейкина Наталья Николаевна

канд. филол. наук, доцент (г. Харьков, Украина)

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И АДАПТАЦИИ (дискуссионный аспект)

В статье рассматривается соотношение интерпретации и адаптации классического художественного текста драматургического произведения с точки современных театральных экспериментов.

Ключевые слова: театр; драматургический текст; интерпретация; адаптация.

Любой художественный текст предполагает много соавторов и прочтений, тем более драматический, который изначально открыт для прочтения режиссером, актерами, сценографами, зрителями. Такой подход называется интерпретацией от лат. *«interpretatio»* – «разъяснение, истолкование», это «перевод, раскрытие содержания и формы, разъяснение любого произведения искусства, а также своеобразное, основанное на глубоком проникновении в суть его, исполнение» [1, с. 171]